
РИМ И ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА

В.М.Зубарь

ПО ПОВОДУ ПРИСУТСТВИЯ РИМСКИХ ВОЙСК В ХЕРСОНЕСЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ III – НА РУБЕЖЕ IV - V ВВ.

V.M. Zubar. On Presence of Roman Troops in Chersonese in the second half of III – turn of IV - V cc.

Nowadays there is much less information about relationships between Chersonese and Roman empire on the turn of III - IV and in IV c. than about the second half of II - first half of III cc. That is why many judgements about history of the city in the late ancient period have a debatable and hypothetical character. All these questions we can compare to the question of presence of Roman garrison in Chersonese. That is why the author comes again to this question and tries again to analyse all that information we have about this complicated problem.

Basing on analysis of epigraphic sources and all the most recent findings we can say that during the IV century, relationships between Chersonese and the empire presented an alliance, and formally the city was not within the empire. Its defense was secured by garrison subsidised by the central power and formed of the residents of the city. This garrison was organized by model of legions of ballistaries of late Roman army, but actually it was a city militia which was well known in a number of centers on the Balkans. As epigraphic records tell us, the administration of the empire helped the garrison with specialists, and, as Konstantin Bagryanorodniy tells us, with materials for ballistics. All said above complies very well with the results of archeological researches held on the territory of Chersonese citadel, where a lot of reconstruction activities took place in the second half of III - IV cc., which tells us about changes in functional use of this part of the city.

В отличие от ситуации второй половины II — первой половины III вв., сейчас очень мало достоверных данных о взаимоотношениях Херсонеса с Римской империей на рубеже III – IV вв. и в IV в., чем объясняется дискуссионный и во многом гипотетический характер выводов об истории города в позднеантичный период (Кадеев 1981: 34–36; Зубарь 1994: 122–148; 1998: 150–156). Сказанное в полной мере относится и к вопросу о присутствии римского гарнизона в Херсонесе (Зубарь 1994: 126–141; Цукерман 1994-1995: 545–561; Пиоро 1997: 123–128; Айбабин 1999: 50, 53–54). Поэтому необходимо еще раз вернуться к рассмотрению этого вопроса и вновь попытаться проанализировать данные, имеющиеся по этой проблеме.

Источники по рассматриваемой теме представлены двумя основными группами. Первая — письменные источники: «Жития святых епископов херсонских» и сочинение византийского императора Константина Багрянородного «Об управлении империей», 53 глава которого посвящена Херсонесу. В обоих сочинениях имеются данные о присутствии римских войск в Херсонесе, участии херсонесского ополчения на стороне империи в боспорско-римских войнах рубежа III – IV вв., а также о военной организации города в позднеантичный период. Эти источники неоднократно служили предметом специального анализа, но до сих пор сведения, имеющиеся в них, трактуются весьма неоднозначно (Латышев 1906: 34–57; Кузьмина 1972:

122; Сапрыкин 1987: 48–57; Зубарь 1987: 120–123; 1994: 133–136; 1998: 153; Пиоро 1997: 123–128; Русяева 1997: 281–290; Русяева, Русяева 1999: 106–111; Юрочкин 1999: 279–280; ср.: Фролова 1984: 46–52; 1989: 199; Цукерман 1994-1995: 545–560; Айбабин 1999: 51–53). Поэтому особое значение для рассматриваемой проблемы приобретает вторая группа, представленная эпиграфическими памятниками.

Но и эпиграфические источники III – IV вв. из Херсонеса, обнаруженные в основном еще до революции, не могут быть использованы в полной мере, так как в силу различных обстоятельств они дошли до нас в крайне фрагментарном виде. Этим обусловлены многовариантность их восстановления и различная датировка (подр. см.: Зубарь 1994: 128–132; Цукерман 1994-1995: 553–558; Айбабин 1999: 50). В связи с этим следует особое внимание обратить на новые эпиграфические памятники, найденные и интерпретированные в последнее время. Причем, исходя из длительной дискуссии о достоверности эпиграфических сочинений и исторических данных, донесенных Константином Багрянородным, вероятно, в первую очередь следует все же опираться на сведения, имеющиеся в немногочисленных лапидарных надписях конца III – второй половины V в. Эпиграфические памятники аутентичны и не подвержены интерполяциям. Они наиболее объективно отражают свою эпоху. Их авторов, в отличие от письменных источников, невозможно заподоз-

речь в переосмыслении и извращении исторических фактов. Поэтому, базируясь на этой группе источников как основной, естественно, с привлечением проверенных данных агеографии и труда Константина Багрянородного, можно получить наиболее объективную картину взаимоотношений Херсонеса с Восточно-Римской империей (ср.: Цукерман 1994–1995: 553). Как представляется, именно такой подход позволит вплотную приблизиться к решению поставленной проблемы, а также уточнить ряд кардинальных вопросов херсонесской истории позднеантичного периода.

К сожалению, археологические источники в разработке указанных проблем могут играть лишь вспомогательную роль. Дело в том, что разрушенное на территории Херсонеса в VI – VII вв. широкомасштабное строительство привело к нивелировке городских кварталов, в ходе которой строительные остатки позднеантичного времени были практически полностью уничтожены (Бертъе-Делагард 1893: 53; Якобсон 1959: 287, 299). Помимо этого, к сожалению, значительное количество материалов, полученных в ходе раскопок городских кварталов, до сих пор полностью не опубликовано, что затрудняет или вовсе лишает возможности провести полную корреляцию данных археологии и других категорий источников. Хотя в отдельных случаях результаты археологических работ в той или иной мере все же можно использовать для подтверждения ряда высказанных положений.

Сейчас на основании имеющейся источниковой базы установлено, что стационарный римский гарнизон, сформированный из подразделений Мезийской армии, дислоцировался в Херсонесе с середины II в. вплоть до 250 г. (подроб.: Зубарь 1994: 44–60, 126–133; Зубарь, Сарновский, Савеля 1997: 67–88; 1999: 197–217), когда центурион I Италийского легиона Марк Ратин Сатурнин восстановил схолу принципалов на территории цитадели. После этой даты, видимо, в третьей четверти III в. римский стационарный гарнизон из города был выведен (Зубарь 1994: 126–128; Vinogradov, Zubar 1995/1996: 136–140; Виноградов, Зубарь, Антонова 1999: 78–80). Такой вывод хорошо согласуется с данными, полученными в ходе раскопок на территории цитадели Херсонеса под руководством И. А. Антоновой. Результаты этих работ показали, что в IV в. часть казарменных построек цитадели оказалась занятой обжигательными печами, а бассейн более ранних терм перестроен в небольшие новые термы. Реконструкции, видимо, не позднее второй половины III в. подвергся и так называемый «дом командира» (Антонова 1996: 5; 1997: 8–9; Антонова 1997а: 19–24; Антонова, Сухина, Сорочан 1998: 15). Следовательно, не только эпиграфические памятники, но археологический материал свидетельствует об отсутствии римского гарнизона в

Херсонесе, по крайней мере, во второй половине III в. (Зубарь 1994: 126–128).

В противоположность этому в историографии традиционно считалось, что римский гарнизон постоянно дислоцировался в городе на протяжении III и IV вв. (Латышев 1906: 39–41; 1907: 111; Шестаков 1908: 19; Якобсон 1959: 18; Беляев 1979: 126; Диатропов 1986: 143). В доказательство приводились соответствующие места из «Житий святых епископов херсонских» и труда Константина Багрянородного. Этим временем датировался ряд эпиграфических памятников Херсонеса (Соломоник 1966: 168–169; 1973: 225–232, № 189; 1983: 34–36; Кутайсов 1986: 141; ср.: Цукерман 1994–1995: 558; Айбабин 1999: 50–53).

Следовательно, можно констатировать, что до настоящего времени вопрос о наличии римского гарнизона в Херсонесе во второй половине III – первой половине IV в. решался неоднозначно, так как имевшиеся в распоряжении исследователей источники не позволяли выяснить его окончательно. В силу этого особое значение приобретает новая латинская надпись, обнаруженная в ходе раскопок 1995 г., проводившихся под руководством И. А. Антоновой на территории цитадели Херсонеса.¹ Содержание этой надписи позволяет не только уточнить вопрос о наличии или отсутствии римского гарнизона в городе в это время, но, наряду с другими источниками, содержит достаточно интересную информацию об истории Херсонеса на рубеже III–IV вв.

Фрагментированная латинская надпись вырезана на лицевой стороне левой части прямоугольного известнякового блока, который вторично был использован в качестве строительного материала в глухой опоре аркады оборонительной стены 21 куртины (Рис. 1). Исходя из сохранившегося текста она восстановлена следующим образом: Aurel(ius) Candi(- - -)/[prae]p(ositus ?) prot[ector]/ vix(illationis) mil(itum) [legg(ionum) XI]/[C]l(audiae) et I Ital(icae) [et eqq(uitum)?]/[D]almat(arum - - -)/ ex voto [- - -]/[ro]suit[- - -]/de[- - -].

Перевод: ... Аврелий Канди... командир, протектор ... военной вексилляции легионов XI Клавдиева и I Италийского и кавалеристов (?)... Далматов ... по обету поставил ...

Исходя из предложенного восстановления, Аврелий Канди... был офицером, носил титул протектора и возглавлял военную вексилляцию, сформированную из ряда подразделений, которые дислоцировались на Нижнем Дунае. Упоминание в надписи военной вексилляции и титула протектора дают определенные хронологические реперы для датировки рассматриваемого памятника.

¹ Публикации этого эпиграфического памятника посвящена специальная статья, написанная автором совместно с Т. Сарновским и И. А. Антоновой, которая будет опубликована в очередном Херсонесском сборнике, посвященном памяти Ю. Г. Виноградова.

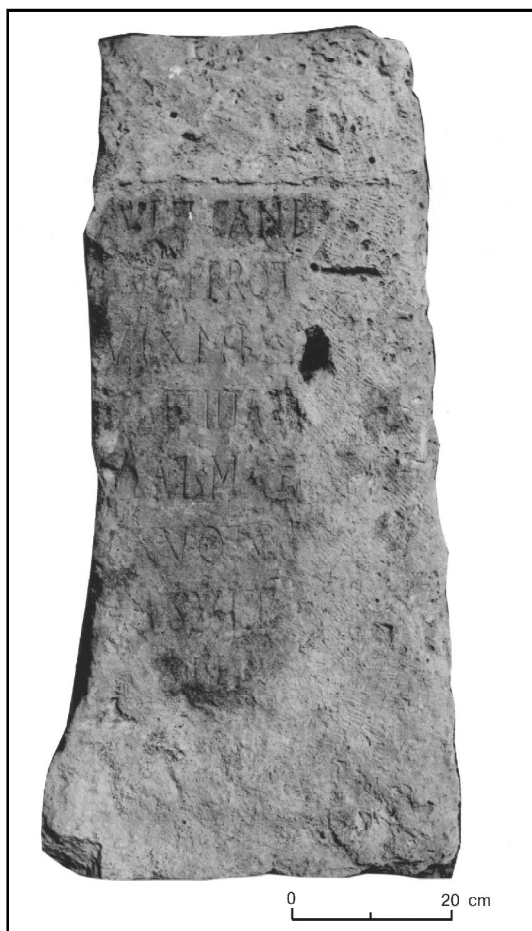

Рис. 1. Фрагментированная надпись 1995 г. из раскопок И. А. Антоновой в Херсонесе.

мого памятника.

Впервые *protector* упоминается около 260 г. в *cursus honorum* Л. Петрония Волузиана, а затем в целом ряде эпитафических памятников, относящихся ко второй половине – концу III в. (CIL, XI, 1836; Christol 1977: 394–395; ср.: Grosse 1920: 13–14; Nagy 1965: 298–299; Saxer 1967: 121; Kolendo, Bozilova 1997: 111–112, № 75; Demandt 1998: 31). Сейчас установлено, что *protector* являлся титулом, который в период правления императора Галлиена (259–268 гг.) сначала давался высшим военным должностным лицам, а при его преемниках и центурионам, находившимся на службе преимущественно в составе полевой армии (*comitatenses*) позднеримской империи.² Получение такого титула было обусловлено близостью к императору или к штабу полевой армии и открывало перед лицами, получившими такой титул, перспективу дальнейшей блестящей военной карьеры (подр. см.: Domaszewski 1967: 188–190; Dobson 1967: LVIII–LIX; Diesner 1968: 1113–1123; Frank 1969: 33–40; Vohec 1993: 42, 48, 226; Christol 1977: 402–408; De Blois 1976: 85, 106; Southern,

² Эпитафические памятники с упоминанием *protectora* собраны в: Frank 1969: 35 – 37.

Dixon 1996: 14). В ряде случаев, как об этом свидетельствуют эпитафические памятники, протекторы командовали *вексилляциями* полевой армии (CIL, III, 3424; Saxer 1967: 55, № 101; 57, 121). Позднее, в ходе военных реформ Диоклетиана (284–305 гг.), военнослужащие, носившие такой титул, были объединены в специальные подразделения (*scholae*) императорской гвардии (Diesner 1968: 1116; Frank 1969: 40–41; 47–58; Southern, Dixon 1996: 14–15; Demandt 1998: 37, 226). Наиболее ранние свидетельства о существовании таких формирований относятся к периоду правления Константина Великого (306–337 гг.), но А. Джонс начало их формирования относит ко времени первой тетрархии (Jones 1964 a: 53–54). Следовательно, 60-е годы III в. являются *terminus post quem* для публикуемого памятника.

С другой стороны, *вексилляции*, как более или менее постоянные воинские подразделения, в составе римской армии появляются еще в I в., но особенно широко эта форма военной организации стала практиковаться со времени правления императора Адриана (117–138 гг.). Такая организационная форма в римской армии, судя по эпитафическим памятникам, была обычной еще в период правления императора Клавдия II Готского (268–270 гг.) (Saxer 1967: 57–58). А после реформ позднеримской армии, проведенной императорами Диоклетианом и Константином Великим, *вексилляциями* стали называться кавалерийские подразделения полевой армии, в которые была объединена конница легионов (Neumann 1958: 2444–2448; Nischer 1923: 13–17; Parker 1933: 189; Jones 1964 a: 607; Grant 1968: 40–41; 1974: 277–280; Frank 1969: 55; Southern, Dixon 1996: 13–14; Demandt 1998: 225). Следовательно, рубеж III – IV вв. дает нам *terminus ante quem* для датировки памятника, так как еще в 295 г. в составе экспедиционного корпуса Диоклетиана в Египте известны обычные для римской армии более раннего времени *вексилляции* (Southern, Dixon 1996, p. 15).

Датировка публикуемого памятника может быть уточнена на основе его сравнения с двумя фрагментированными надписями, найденными в Херсонесе ранее. Первая из них известна по прорисовке, сделанной П. Палласом во время его путешествия по югу России в 1793–1794 гг. Она была опубликована в корпусе В. В. Латышева с комментариями М. И. Ростовцева (Ростовцев 1907: 13; IOSPE, I², № 656), а затем переиздана Э. И. Соломоник и К. Цукерманом (Соломоник 1983: 27–28, № 2; Цукерман 1994–1995: 553–554) (Рис. 2). К сожалению, ее сейчас нельзя сколько-нибудь полно реконструировать, однако в данном случае особенно важны особенности ее палеографии, отрывочное содержание и датировка.

Судя по прорисовке П. Палласа, в четвертой строке памятника стоит буква L с фигурной,

Рис. 2. Фрагментированная надпись с упоминанием протектора по П. С. Палласу и Э. И. Соломоник.

загнутой вверх нижней гостой, аналогичная написанию L в посвящении Аврелия Канди... . Такое написание буквы L зафиксировано в ряде надписей первой половины III в. из Монтаны (Велков, Александров 1994: 17, № 32; с. 21, № 42; с. 28–29, № 57; с. 47, № 114), в надгробии конца III – начала IV в. из Нове (Kolendo, Bozilova 1997: 111–112, № 75), где располагался основной лагерь I Италийского легиона, а также в надписях из Одессоса и территории Паннонии, которые датируются третьей четвертью IV в. (Soropii 1985: 111–112; Manzella 1999: 79–96).

В конце следующей, пятой строки стоит *protecto*, перед которым, по мнению К. Цукермана, стояло *vigo egregio* (ср.: CIL, III, 3424), что позволяет восстановить окончание строки как *v(iro) e(gregio) protecto(re)* (Цукерман 1994–1995: 553–554). Исходя из начала надписи, можно заключить, что памятник является посвящением двум Августам и двум Цезарям, поэтому он может датироваться временем первой или второй тетрархии, т. е. периодом совместного правления Диоклетиана и Констанция I (305–306 гг.) с соправителями (293–305 или 305–306 гг.) (Цукерман 1994–1995: 553–554; Айбабин 1999: 50).

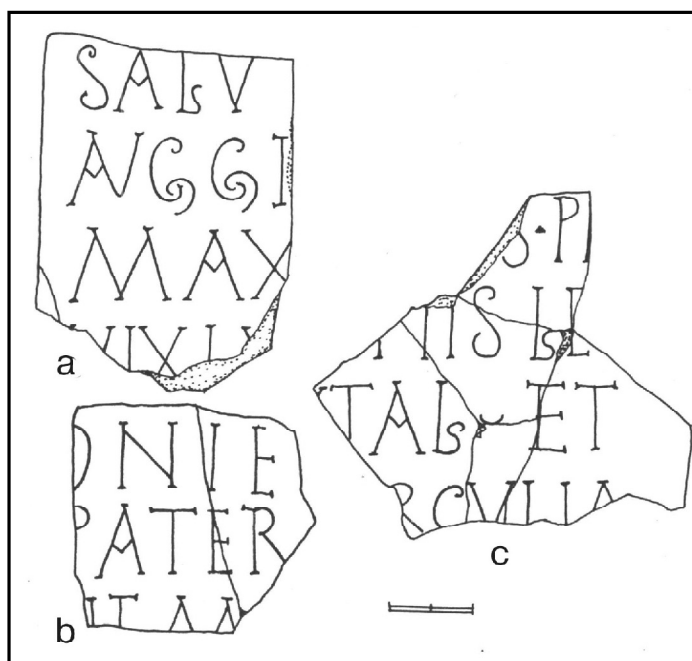
Вторая надпись, состоявшая из трех фрагментов, также не может быть убедительно реконструирована вследствие того, что не ясно, как между собой соотносились сохранившиеся фрагменты памятника (Шангин 1938: 79–90, № 9; Соломоник 1983: 74–75, № 53; Alföldy 1984: 785; Sarnowski 1988: 164, прим. 17; Зубарь 1994: 130–132; Цукерман 1994–1995: 554–556) (Рис. 3). Но, несмотря на это, весьма примечательно, что в ней написание буквы L имеет форму, аналогичную рассмотренным выше двум эпи-

графическим памятникам.³ Более того, в этой надписи, как и в посвящении Аврелия Канди..., стоит VIXI, которое Г. Альфельди считал возможным дополнить в качестве *vixi(llatio) = vexillatio* (Alföldy 1984: 785; ср.: Цукерман 1994–1995: 556), и не исключено, что упоминается I Италийский легион (Alföldy 1984: 785). По мнению М. А. Шангина и следовавшей за ним Э. И. Соломоник, этот памятник относится ко времени совместного правления Диоклетиана и Максимиана, т. е. 286–293 гг. (Шангин 1938: 79–80; Соломоник 1983: 75), а К. Цукерман полагает, что надпись могла быть поставлена и в период совместного правления Константина и Лициния (317–324 гг.) (Цукерман 1994–1995: 555).

На основании палеографии и отрывочного содержания всех перечисленных памятников есть основания заключить, что они хронологически близки между собой и свидетельствуют о присутствии римских войск в Херсонесе в конце III в. Причем, к промежутку времени между 250 периодом тетрархии какие-либо латинские эпиграфические памятники в Херсонесе не зафиксированы, что вряд ли можно объяснить простой случайностью. Следовательно, появление новых латинских эпиграфических памятников, связанных с римским военным присутствием в городе, сейчас следует относить ко времени не ранее конца III в. Именно этот хорошо установленный факт, а также ряд других данных, позволили сделать вывод об отсутствии

³ Аналогичное написание буквы L известно еще по одному небольшому фрагменту латинской надписи из Херсонеса, который в предположительном плане Э. И. Соломоник считала возможным рассматривать в качестве части рассматриваемой надписи. См.: Соломоник, 1983: 83, № 68.

Рис. 3. Три фрагмента латинской надписи, найденной в Херсонесе в начале XX в.

в Херсонесе римского гарнизона во второй половине III в. (Зубарь 1994: 132–134; ср.: Цукерман 1994–1995: 558).

Для того, чтобы уточнить датировку рассмотренной группы памятников и в сугубо предположительном плане связать ее с конкретными событиями в истории Херсонеса, видимо, следует обратиться к 53 главе труда Константина Багрянородного «Об управлении империей», ибо какие-либо иные надежные источники по позднеантичной истории этого центра пока отсутствуют. Следует особо подчеркнуть, что сейчас нет веских оснований полностью отрицать сведения, сообщаемые Константином Багрянородным по истории Херсонеса I в. до н. э. и конца III – IV вв. н. э. (подр. см.: Кузьмина 1972: 122; Nadel 1977: 87 и сл.; Сапрыкин 1987: 48–57; Зубарь 1987: 120–123; 1994: 133–136; 1998: 153; Русяева 1997: 281–290; Русяева, Русяева 1999: 106–111; Юрочкин 1999: 279–280; Анохин 1999: 171–176), как это делают некоторые современные исследователи (см.: Фролова 1984: 46–52; 1989: 199; Фролова 1997: 85–95; Цукерман 1994–1995: 545–560; Айбабин 1999: 47–48).

Константин Багрянородный пишет, что, когда в Риме правил император Диоклетиан, Савромат, сын Крискорона, боспорянин, собрал «скифов», населявших берега Меотиды, выступил против римлян, захватил страну лазов и дошел до р. Галис.⁴ Император отправил против варваров войска под командованием трибуна Константа, которые, однако, не смогли разгромить «скифов». Тогда Диоклетиан обратился за помощью к Херсонесу. Херсонеситы, собрав мужей из соседних крепостей, нанесли

удар в тыл Савромату, захватили его столицу, что в конечном итоге и позволило заключить с варварами мир на выгодных для империи условиях. В награду за помощь и верность империи Херсонесу были дарованы права «свободы» и освобождение от налогов. Император также установил выдачу тысячи пайков и материалов для баллист, что должно было способствовать поддержанию боеспособности херсонесских войск на должном уровне (Const. Phorph. De adm. imp. 53). Если исходить из того, что Константин Багрянородный, повествуя об этой войне, упоминает двух херсонесских архонтов, Фемиста, сына Фемиста, и Хреста, сына Папия, то эти события происходили в течение двух лет (Зубарь 1998: 154).

Исследователи неоднократно пытались определить, когда происходили эти события (подр. см.: Зубарь 1998: 154). Но наиболее близкой к действительности является точка зрения Я. Харматты, который относил эту римско-боспорскую войну к 291–293 гг. (Харматта 1967: 205, 207–208), когда на боспорском престоле находился Фофорс (подр. см.: Зубарь 1998: 155–156; ср.: Юрочкин 1999: 280; Анохин 1999: 172). Это хорошо согласуется с тем, что после завершения боевых действий Константин, как сообщает Константин Багрянородный, был отмечен императором Диоклетианом. Если это соотносить с тем, что Констанций Хлор в 293 г. получил титул Germanicus Maximus, а в 294 г. – Sarmaticus Maximus (Barnes 1982: 255, tabl. 5; Kienast 1990: 277), то это служит достаточно весомым, хотя и косвенным аргументом в пользу датировки этой римско-херсонесско-боспорской войны 291–293 гг. (Зубарь 1998: 154–155; ср.: Юрочкин 1999: 280).

⁴ Река. Кызыл-Ирмак на территории современной Турции.

Возвращаясь к рассматриваемым латинским надписям, необходимо отметить, что, если принять датировку одной – 286–293 гг., а второй – 293–305 гг., в пользу чего есть веские основания, то оба памятника могут быть предположительно связаны с теми событиями времени правления Диоклетиана, о которых повествует Константин Багрянородный. Более того, упоминание в посвящении Аврелия Канди... титула протектора, который, командовал римским отрядом в Херсонесе, позволяет их относить ко времени не позднее начального периода правления Диоклетиана. Ведь, как уже отмечалось, есть основания предполагать, что именно в период военных реформ этого императора произошла трансформация значения титула протектора (Jones 1964 a: 53–54; Southern, Dixon 1996: 14–15).

Но, предполагая появление в Херсонесе римской вексилляции во главе с протектором, которая, видимо, вместе в херсонесскими войсками участвовала в боевых действиях против боспорцев, следует помнить, что этот титул в конце III в. давался преимущественно центурионам полевой армии позднеримской империи. Поэтому есть все основания говорить о том, что вексилляция, сформированная из различных воинских подразделений римской армии Подунавья и находившаяся под командованием Аврелия Канди..., также имела статус формирования полевой армии. Практика периодического привлечения в состав полевой армии частей пограничных войск, расквартированных на границах империи, хорошо известна в более поздний период. В *Notitia Dignitatum*, которая отражает состав позднеримской армии конца IV – начала V в., они именовались *pseudocomitatenses* (подр. см.: Jones 1964 a: 609; Hoffmann 1969: 405–407; Demougeot 1975: 1131; Luttwak 1976: 188; Глущанин 1982: 91; Demandt 1998: 225). Но включение подразделений пограничной армии в состав полевых сил империи стало практиковаться намного раньше, видимо, еще в конце III в., о чем, в частности, свидетельствует и надпись 1995 г.

Исходя из этого, сейчас нет оснований говорить даже о кратковременном пребывании стационарного римского гарнизона в городе (ср.: Цукерман 1994–1995: 558; Айбабин 1999: 50, 53–54), так как полевая армия использовалась для решения конкретных оперативных и тактических задач (Baynes 1925: 201–204; Luttwak 1976: 179–188), а не для защиты границ или городов на территории империи (Grant 1968: 21–35; Luttwak 1976: 132; Southern, Dixon 1996: 9–20). Следовательно, появление в Херсонесе отряда римских войск, во главе которого стоял протектор, было вызвано каким-то экстраординарным военно-политическим событием, которое заставило перебросить сюда военную вексилляцию, во главе которой был скорее поставлен центурион, а не трибун полевой армии, но-

сивший титул протектора. Не исключено, что, как об этом свидетельствуют имеющиеся в нашем распоряжении источники, римские войска были переброшены сюда для ведения боевых действий вместе с херсонесским отрядом против боспорцев, вторгнувшихся в пределы империи, а после победоносного завершения войны были выведены в места постоянной дислокации в Подунавье. Косвенно это подтверждается отсутствием в херсонесском лапидарном архиве вплоть до второй половины IV в. каких-либо эпиграфических памятников, в которых говорилось бы о присутствии здесь имперских войск.

Если сказанное справедливо, то посвящение Аврелия Канди..., а также три рассмотренные латинские надписи относятся ко времени около 293 г., когда римской вексилляцией из состава полевой армии Подунавья и херсонесскими войсками, вероятно, была предотвращена угроза империи со стороны варваров, обитавших на территории Боспора. Успешное окончание военных действий и нашло отражение в надписях, посвященных правящим императорам, а протектор Аврелий Канди... в честь этого события по обету воздвиг в Херсонесе посвящение неизвестному нам божеству.

Естественно, предложенная интерпретация рассмотренных надписей в достаточной степени гипотетична и должна быть подтверждена новыми источниками. Но, как представляется, высказанные соображения имеют право на существование, уточняют датировку рассмотренной группы латинских надписей Херсонеса, в определенной степени подтверждают историческую достоверность данных, сообщаемых Константином Багрянородным (*Const. Porph. De adm imp.* 53), и, видимо, позволяют внести в них определенные коррективы. С другой стороны, если принять предложенное чтение надписи 1995 г., то становится очевидным, что в «Житиях святых епископов херсонских» искажена картина проникновения христианства в Херсонес и исторические события того времени, на что уже неоднократно обращалось внимание (Ростовцев 1914: 504–505; Мещеряков 1975: 100–108; 1978: 121–144; Кутайсов 1986: 166–167; Диатроптов 1986: 129–135; Цукерман 1994–1995: 548–549; Зубарь, Хворостяный 2000: 75–104). Таким образом, рассмотренная надпись 1995 г., наряду с уже известными памятниками, значительно расширяет источниковую базу изучения позднеантичной истории Херсонеса и свидетельствует о появлении в городе в связи с каким-то экстраординарным событием римской вексилляции в конце III или на рубеже III – IV вв.

Однако, исходя из того, что в это время в Херсонесе, вероятно, находились войска из состава полевой армии империи, можно достаточно уверенно говорить об их кратковременном пребывании в городе. Скорее всего, после вы-

полнения определенных оперативных задач они были выведены в места своей постоянной дислокации в Подунавье. Именно этим, как считает К. Цукерман, объясняется тот исключительно важный факт, что после разгрома восстания 365–366 гг. его руководитель Прокопий бежал именно в Херсонес (Цукерман 1994–1995: 558; ср.: Зубарь 1994: 144; Айбабин 1999: 53; Зубарь, Хворостяный 2000: 94).

Это не лишено вероятности. Восстание 365–366 гг. носило ярко выраженную антихристианскую окраску и Прокопий, видимо, здесь надеялся найти поддержку в целом языческого населения города (Курбатов 1961: 72), что хорошо согласуется с имеющимися в настоящее время источниками по распространению христианства в этом центре (Зубарь 1994: 143–146; Зубарь, Хворостяный 2000: 44–98). Но, безусловно, Херсонес им был избран не только поэтому. Здесь, вдали от имперских войск и чиновников, он мог укрыться от преследователей и через какое-то время возобновить борьбу. Но этим планам не суждено было сбыться. Видимо, под давлением городских властей, которые ориентировались на центральную власть империи, он вскоре вместе семьей отплыл на корабле из Херсонеса (Zosimos, II, 5, 2). Косвенно все сказанное подтверждается не только полным отсутствием латинских эпитафических памятников, но и вообще каких-либо источников о тесных связях города с византийской администрацией.

Но с начала 70-х гг. IV в. положение меняется, что в первую очередь нашло отражение в эпитафических памятниках. В 1905 г. в районе Карантинной бухты К. К. Косцюшко-Валюжиничем был обнаружен большой мраморный прямоугольный стелб, одна сторона которого была занята фрагментированной латинской надписью. Памятник впервые был издан М. И. Ростовцевым (Ростовцев 1907: 5–12, № 2; IOSPE, I², № 449) и переиздан Э. И. Соломоник (1983: 28–30, № 3). Надпись датируется достаточно точно – 370–375 гг. В ней упоминаются императоры Валент, Валентиниан и Грациан, а также префект претория Востока Домиций Модест, еще какое-то должностное лицо и, что особенно важно, неизвестный командир отряда баллистариев (Соломоник 1983: 29; ср.: Цукерман 1994–1995: 558).

Домиций Модест был префектом претория Востока на протяжении 370–378 гг. (Ростовцев 1907: 7) и являлся одним из наивысших чиновников Восточно-Римской империи, осуществлявший гражданское управление. Со времени правления императора Константина Великого полностью завершился процесс разделения гражданской и военной власти в Восточно-Римской империи (Jones 1964 a: 608; Arnheim 1972: 48–73). Вся территория государства была разделена на четыре префектуры, в руках префекта каждой из которых была сконцентрирована

вся полнота гражданской власти (Baynes 1925: 204–208; Jones 1964: 101; Tomlin 1976: 189–209). Следовательно, упоминание в надписи Домиция Модеста позволяет заключить, что, по крайней мере, в последней четверти IV в. гражданское управление Херсонеса курировалось префектурой Востока, а не администрацией дунайских провинций империи, как это было ранее (Зубарь 1994: 146–147).

Вместе с этим на территории префектуры Востока было два должностных лица (*magister militum per Orient* и *magister militum per Thracias*), которым подчинялись соединения полевой и пограничной армий в различных ее частях (Várady 1961: 358). Поэтому, если решение гражданских дел находилось в ведении префектуры Востока, то контроль за вооруженными силами Херсонеса и помощь городу в военной области могла осуществляться по распоряжению *magister militum per Thracias* (Зубарь 1994: 140–141, 147).

Но наиболее интересным является упоминание в надписи баллистариев, которые, вне всякого сомнения, являлись гарнизоном города. В свое время вопрос о херсонесских баллистариях и их статусе уже подробно рассматривался и был сделан вывод о том, что они формировались за счет субсидий центральной власти из среды местного населения, но находились под контролем римского военного командования (Зубарь 1994: 133–139). Однако эти выводы были подвергнуты критике К. Цукерманом, который достаточно подробно остановился на этом вопросе (Цукерман 1994–1995: 549–568), что заставляет вновь вернуться к нему и еще раз проанализировать все источники, имеющиеся по этой крайне важной проблеме. Причем, следует подчеркнуть, что конструктивная по содержанию, но не по форме, критика К. Цукермана, а также появление нового эпитафического памятника, о котором шла речь выше, заставили не только пересмотреть ряд высказанных ранее положений, но положить в основу анализа этого вопроса не письменные, а эпитафические источники.

Наиболее раннее упоминание баллистариев в эпитафических источниках, обнаруженных на территории Херсонеса, относится к 370–375 гг., а наиболее позднее засвидетельствовано в надписи времени правления императора Зинона, которая датируется 487/488 г. (Латышев 1896: 7–15, № 7). Следовательно, это воинское формирование дислоцировалось в Херсонесе более ста лет и, безусловно, его основной задачей была защита города (Зубарь 1994: 136). Упоминание баллистариев в двух указанных эпитафических памятниках наряду с официальными должностными лицами империи позволяет с высокой долей уверенности заключить, что это воинское формирование так или иначе было связано с той политикой, которую проводила по отношению к Херсонесу имперская ад-

министрация.

Но, говоря о баллистариях, нельзя пройти мимо сведений, содержащихся в рассказе Константина Багрянородного (Const. Porph. De adm imp. 53). Как бы не оценивалась достоверность этого источника в целом или отдельных мест его рассказа, очевидно, что и у Константина Багрянородного, и в эпиграфических памятниках, речь идет об одном и том же воинском формировании, на которое была возложена защита Херсонеса в позднеантичный период.

С другой стороны, весьма продуктивным в свете рассмотренных эпиграфических памятников представляется достаточно обоснованный вывод К. Цукермана о том, что события, которые имеются в агиографических источниках, искажены и хронологически смещены (Цукерман 1994–1995: 547–540). Но, признавая это относительно «Житий святых епископов херсонских», автор почему-то отказывается в исторической достоверности Константину Багрянородному, данные которого относительно наличия в Херсонесе баллистариев подтверждаются таким надежным источником как эпиграфика. Вряд ли такой методический подход следует признать правомерным. Ведь в данном случае одному источнику отдается предпочтение за счет другого, причем, не более достоверного (подр. см.: Диатроптов 1986: 129–135; Зубарь, Хворостяный 2000: 90–92).

К. Цукерман утверждает, что баллистарии, которые дислоцировались в Херсонесе, на протяжении конца IV – конца V вв. относились к регулярным войскам позднеимперской армии и могли быть выделены из состава «центральных» войсковых групп (comitatenses) (Цукерман 1994–1995: 551; ср.: Айбабин 1999: 53–54). Именно этим обстоятельством он объясняет тот факт, что это подразделение не упоминается в Notitia Dignitatum, подчеркивая, что места дислокации частей comitatenses в Notitia Dignitatum вообще не указаны. На основании этого он считает возможным говорить, что это мог быть один из двух легионов баллистариев в составе comitatenses Фракии: ballistarii Dafnenses или ballistarii iuniores (Not. Dig. Or. VIII, 46–47; Цукерман 1994–1995: 559).⁵ Иными словами, по мнению К. Цукермана, защита Херсонеса имперской администрацией была возложена на войска разряда comitatenses, т. е. полевой армии. А, если исходить из того, что баллистарии находились в городе более ста лет, что надежно засвидетельствовано эпиграфическими памятниками, то, следовательно, и византийский гарнизон здесь дислоцировался на протяжении всего этого времени. Но с этим согласиться трудно и вот почему.

⁵ Правда, в другом месте работы он ставит под сомнение этот вывод, который был сделан ранее на основании неправильной интерпретации надписи 370 – 375 гг. (См.: Цукерман 1994–1985: 550, прим. 18. Ср.: Zucerman 1991: 550 – 551).

Баллистарии по своему назначению могут быть отнесены к частям специального назначения позднеимперской армии. Такие подразделения были созданы в ходе военных реформ Диоклетиана, когда «артиллерия» была изъята из тактического подчинения командования легионов и сведена в специальные подразделения, имевшие на вооружении баллисты и онагры (Am. Marc. XIX, 5, 2; Marsden 1969: 195–106; Luttwak 1976: 175, 196, note 138). Проведение такой реформы диктовалось, с одной стороны, появлением у неприятеля на Востоке тяжело-вооруженной кавалерии, против которой применение такого оружия было наиболее эффективно (Varady 1961: 169; подр. см.: Campbell 1984: 75–84; Junkelman 1992: 202–216; Mielczarek 1993: 51–87; Baatz 1994: 146–302), а, с другой, – изменением стратегической политики, в которой основной упор делался на размещение сильных гарнизонов и защиту крепостей (Luttwak 1976: 169).

Судя по Notitia Dignitatum, документу, который относится к концу IV – началу V вв. (Demougeot 1975: 1082–1083, 1134; Zahariade 1988: 26–27), специальные подразделения относились к разряду pseudocomitatenses, т. е. к тем частям пограничной армии, которые периодически включались в состав полевой армии (comitatenses), но не имели ее статуса (Jones 1964 a: 609; Hoffmann 1969: 405–407; Marsden 1969: 196; Demougeot 1975: 1131; Luttwak 1976: 179, 188; Глушанин 1982: 91; Demandt 1998: 225). К этой категории вооруженных сил принадлежали и баллистарии, которые были обычно связаны со стратегическими дорогами и крепостями, что нашло отражение в их названиях (Not. Dig. Or. VI, 18; VII, 21–22; IX, 29–30; Hoffmann 1969: 405–424; Demougeot 1975: 1123, note 2, 1131). Но если обратиться к легионам баллистариев, места которых известны по Notitia Dignitatum, то станет ясно, что, за исключением двух (Not. Dig. Occ. XII, 23, 97), все они были подчинены не командованию пограничных, а полевых сил и были сосредоточены в восточной части империи (Not. Dig. Or. VII, 8, 43, 57; VIII, 15, 46, 47; IX, 47; Varady 1961: 382; Hoffmann 1969: 405–424; Marsden 1969: 197; Luttwak 1976: 188). И только два таких легиона, ballistarii Dafnenses (Not. Dig. Or. 8, 14–16) и ballistarii iuniores (Not. Dig. Or. 8, 15, 47), находились под командованием военного магистра Фракии (Southern, Dixon 1996: 159).

Следовательно, если исходить из аргументации К. Цукермана, то нужно будет признать, что с конца IV и до конца V вв. в Херсонесе постоянно дислоцировались баллистарии из состава полевых сил империи, но почему-то ни баллистарии, ни сам Херсонес в Notitia Dignitatum не упомянуты, хотя в этом документе перечислены и менее значительные пункты, в которых размещались в то время войска (Ло-

моури 1986: 59–61). Не говорится о Херсоне как имперском городе и в «Синекдеме» Иерокла (Hieroclis 1847: 11-17) – официальном справочнике по географии империи, составленном для византийских чиновников в начале правления Юстиниана I (527-565 гг.) и содержащем сведения об административном делении империи, а также обо всех провинциальных городах (Бордин 1984: 454).

Такое кажущееся противоречие объясняется достаточно легко, если не отвергать, как недостоверные, те данные, которые содержатся в рассказе Константина Багрянородного (Const. Porph. De adm imp. 53). Просто херсонесский гарнизон, содержавшийся с IV в. на римские субсидии или иные средства, которыми располагалась центральная администрация, в организационном отношении был близок последнему, имел на своем вооружении баллисты и онагры, но в состав регулярной армии позднеримской империи не входил (подр. см.: Зубарь 1994: 135–137; ср.: Marsden 1969: 196–197; Southern Dixon, 1996: 159). Тогда станет понятным отсутствие упоминания города и его гарнизона в *Notitia Dignitatum*, надгробий и частных латинских надписей военнослужащих позднеримской армии IV – V вв., а также резкое количественное сокращение надписей на латинском языке, за исключением официальных, и отмечавшиеся изменения в застройке бывшей римской цитадели. По существу это был гарнизон не регулярных имперских войск, а городская милиция, набиравшаяся за счет субсидий центральной администрации из местных жителей, главной обязанностью которой, как и в других местах, была защита города от неприятеля (ср.: Not. Dig. Occ. XXXV, 5; XXXVII, 14–25; MacMullen 1963: 153; Demougeot 1975: 1105, 1121; Luttwak 1976: 169; Анохин 1977: 92).

Вместе с этим, нельзя не признать, что в рассказе Константина Багрянородного действительно есть целый ряд неточностей и несоответствий, которые плохо согласуются с позднеримской военной практикой (Цукерман 1994–1995: 551–553), хотя не всегда можно полностью согласиться с трактовкой ряда вопросов этой темы, предложенной К. Цукерманом (ср.: Marsden 1969: 196; Southern Dixon 1996: 155). Но только на этом основании, как представляется, нельзя отвергать все сведения, содержащиеся в этом историческом сочинении.

Труд Константина Багрянородного был написан в начале X в. как справочник-руководство по управлению империей для наследника престола на основании источников более раннего времени, и, естественно, от его автора трудно ожидать скрупулезной точности не только в мелочах, но и в изложении целого ряда истори-

ческих событий более раннего времени. Безусловно, в 53 главе трактата «Об управлении империей» не могла не найти отражение военная практика более позднего времени, чем те события, о которых он повествует. Но, как уже неоднократно отмечалось, в нем содержится весьма ценная историческая информация, которая подтверждается не только эпиграфикой Херсонеса, но и иными категориями источников, и задача исследователя суметь воспользоваться этой информацией для исторических реконструкций, а не отвергать ее без достаточных на то оснований.⁷

Говоря о гарнизоне Херсона в конце IV в., нельзя пройти мимо надписи с посвящением императорам Феодосию и Аркадию, которая достаточно точно датируется 392–393 гг. (IOSPE, I², № 450; Ростовцев 1907: 15; Jones, Martindale, Morris 1971: 972; Цукерман 1994–1995: 550, прим. 16; Айбабин 1999: 53–54). Из нее следует, что в правление указанных императоров был осуществлен ремонт оборонительных стен Херсонеса отрядом «механиков» под руководством трибуна Флавия Вита. Причем эти работы были проведены под руководством или контролем византийского чиновника достаточно высокого ранга Евферия. Вследствие того, что окончание памятника не сохранилось, его должность интерпретировалась исследователями по-разному (Латышев 1901: 58–59; Шестаков 1908: 7, прим. 3; Шангин 1938: 82; Белов 1948: 130; Зубарь 1994: 142–143; Цукерман 1994–1995: 550, прим. 16). Но вне зависимости от окончательного решения этого вопроса, из надписи следует, что в это время в Херсонесе отрядом специалистов под командованием трибуна Флавия Вита велся ремонт оборонительных сооружений. А результат анализа более поздних надписей времени правления императоров Зинона и Юстина II, вероятно, не позволяет в Евферии видеть местное должностное лицо (подр. см.: Зубарь, Сорочан 1998: 119). Скорее всего, Евферий, как и позднее комит Диоген, лишь курировал херсонесские дела и вследствие этого направил в Херсонес отряд «механиков» во главе с трибуном Флавием Витом.

Вместе с этим, нет совершенно никаких оснований в трибуне Флавию Вите видеть командира позднеримского гарнизона Херсонеса (см.: Цукерман 1994–1995: 550; Айбабин 1999: 53–54). Напротив, помощь городу специалистами по оборонительным сооружениям, а может быть и по военным машинам, хорошо согласуется с политикой поддержки союзного империи города (подр. см.: Зубарь 1994: 146–148), которому в то время могли угрожать гунны, появившиеся

⁶ Подр. о военных реформах Диоклетиана и Константина см.: Southern Dixon 1996: 15 – 37.

⁷ Вольно или невольно с этим согласен и К. Цукерман, который использует данные Константина Багрянородного для подсчета общего количества солдат херсонесского гарнизона. (См.: Цукерман 1994–1995: 559).

в степной зоне Северного Причерноморья (см.: Пиоро 1976: 92–102). Трибун в иерархии поздне-римской армии стоял достаточно высоко (Demandt 1998: 31). Поэтому не исключено, что он был послан в Херсон для выполнения какого-то экстраординарного поручения римской военной администрации. Такому предположению не противоречит содержание рассматриваемого эпиграфического памятника.

Сказанное подтверждается и другими латинскими надписями, обнаруженными в Херсонесе. Это в первую очередь латинские надписи с посвящением императору Гонорию (395–423 гг.) и Аркадию (395–408 гг.) (IOSPE, I², № 655; Ростовцев 1907: 16; Соломоник 1983: 30–31, № 4; 31–32, № 5). К сожалению, фрагментированный характер этих надписей не позволяет уверенно говорить об их назначении, хотя вовсе не исключено, что они могли быть строительными (ср.: Ростовцев 1907: 17). Во всяком случае, они, как и фрагментированная греческая надпись с упоминанием императора Гонория, которая в свое время была опубликована М. А. Шангиным (1938: 81–82; ср.: Сидоренко 1987: 138), свидетельствуют о тесных связях, которые поддерживал город с империей на рубеже IV – V вв. Однако необходимо еще раз подчеркнуть, что отсутствие упоминания не только херсонесского гарнизона, но и самого города в *Notitia Dignitatum* (см.: Hoffmann 1969), не позволяет рассматривать в это время Херсонес или Хер-

сон в качестве одного из городских центров, юридически входивших в состав Восточно-Римской империи.

На основании имеющихся источников можно заключить, что на протяжении IV в. взаимоотношения Херсонеса с империей строились на союзной основе и официально в состав империи город не входил (подр. см.: Зубарь 1994: 146–148). Защита города осуществлялась гарнизоном, набравшимся за счет субсидий центральной власти из местных жителей. Организован он был по образцу легионов баллистариев поздне-римской армии, но, по сути, являлся городской милицией, хорошо известной в целом ряде центров того времени на Балканах (ср.: Not. Dig. Occ. XXXV, 5; XXXVII, 14–23; MacMullen 1963: 153; Demougeot 1975: 1105, 1121; Luttwak 1976: 169; Анохин 1977: 92), вследствие чего, как об этом свидетельствуют эпиграфические памятники, ему оказывалась помощь специалистами, периодически направлявшимися должностными лицами имперской администрации, а также материалами для изготовления баллист (ср.: Demandt 1998: 227), о чем сообщает Константин Багрянородный (Const. Porph. De adm. imp. 53). Сказанное хорошо согласуется с результатами археологических исследований, проведенных на территории цитадели И. А. Антоновой, где во второй половине III – IV вв. наблюдаются существенные перестройки, свидетельствующие об изменении функционального назначения этого района.

ЛИТЕРАТУРА

- Айбабин А. И. 1999. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь.
- Анохин В. А. 1977. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. - XII в. н. э.). Киев.
- Анохин В. А. 1999. История Боспора Киммерийского. Киев.
- Антонова И. А. 1996. Отчет о раскопках в Херсонесе на участке «цитадель» в 1996 г. //НАНЗХТ. Дело № 3359/ I - II.
- Антонова И. А. 1997. 15 лет работ в цитадели Херсонеса // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов. Севастополь.
- Антонова И. А. 1997 а. Административные здания херсонесской вексилляции и фемы Херсона // Хсб. 8.
- Антонова И. А., Сухина С. Н., Сорочан С. Б. 1998. Отчет о раскопках в цитадели Херсонеса в 1998 г. // Архив НЗХТ. Дело № 3389/1.
- Белов Г. Д. 1948. Херсонес Таврический. Л.
- Беляев С. А. 1979. Вновь найденная раннесредневековая мозаика из Херсонеса (по материалам раскопок 1973 - 1977 гг.) // ВВ. Т. 40.
- Бертъе-Делагард А. Л. 1893. Надпись времени императора Зенона в связи с отрывками из истории Херсонеса // ЗООИД. Т. 16.
- Бородин О. Р. 1984. Развитие географической мысли // Культура Византии. IV - первая половина VII в. М.
- Велков В., Александров Г. 1994. Монтана II. Монтана. Виноградов Ю. Г., Зубарь В. М., Антонова И. А. 1999. Schola principalium в Херсонесе // НЭ. Т. XVI.
- Глушанин Е. П. 1982. Город и армия позднеантичной эпохи в советской историографии // Город и государство в древних обществах. Л.
- Диатроптов П. Д. 1986. Распространение христианства в Херсонесе Таврическом в IV - VI вв. // Античная гражданская община. Межвузовский сборник научных трудов. М.
- Зубарь В. М. 1987. Из истории Херсонеса Таврического на рубеже н. э. // ВДИ. № 2.
- Зубарь В. М. 1994. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. Киев.
- Зубарь В. М. 1998. Северный Понт и Римская империя. Киев.
- Зубарь В. М., Сарновский Т., Савеля О. Я. 1997. Нові латинські написи з римського храму в околицях Херсонеса Таврійського // Археологія. № 4.
- Зубарь В. М., Сорочан С. Б. 1998. О положении Херсонеса в конце IV –VI вв.: политический и экономический аспекты // Хсб. Вып. IX.
- Зубарь В. М., Сарновский Т., Савеля О. Я. 1999. Новые эпиграфические памятники из римского храма в окрестностях Херсонеса Таврического // ВДИ. № 2.
- Зубарь В. М., Хворостяний А. И. 2000. От язычества к христианству. Киев.
- Кадеев В. И. 1981. Херсонес Таврический в первые века н. э. Харьков.
- Кузьмина А. Г. 1972. К вопросу о римской оккупации Херсонеса Таврического // Некоторые вопросы

- всеобщей истории. Тула.
- Курбатов Г. Л. 1961. К вопросу о территориальном распространении восстания Прокопия // Византийские очерки. М.
- Кутайсов В. А. 1986. Новые находки легионных клейм в Херсонесе // Античная культура Северного Причерноморья в первые века нашей эры. Киев.
- Латышев В. В. 1896. Сборник греческих надписей христианских времен из Южной России. СПб.
- Латышев В. В. 1901. Надпись о постройке херсонесской стены // ИАК. Вып. 1.
- Латышев В. В. 1906. Жития святых епископов херсонских. Исследование и тексты // Записки императорской Академии наук. Серия VIII по историко-филологическому отделению. Т.8. № 3.
- Латышев В. В. 1907. Страдания святых священномучеников и епископов херсонских Василия, Капиона и иных с ними // ИАК. Вып. 23.
- Ломоури Н. Ю. 1986. К выяснению некоторых сведений Notitia Dignitatum и вопрос о так называемом Понтийском лимесе // ВВ. Т. 46.
- Мещеряков В. Ф. 1975. Проникновения христианства в Херсонес Таврийский // Вісник ХДУ. № 118. Історія. Вип 9.
- Мещеряков В. Ф. 1970. О времени появления христианства в Херсонесе Таврическом // Актуальные проблемы изучения истории религии и атеизма. Л.
- Піоро І. С. 1976. Гунська навала і Крим // Вісник КДУ. № 18. Серія історії.
- Піоро І. С. 1997. Про один з поглядів на джерела та історію пізньоантичного Херсонеса // Археологія. № 2.
- Ростовцев М. И. 1907. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. Вып. 23.
- Ростовцев М. И. 1914. Античная декоративная живопись на юге России. Пгр.
- Русяева А. С. 1997. Религиозный аспект исторической новеллы о Гикии Константина Багрянородного // ΜΟΥΣΕΙΟΝ. (Профессору А.И.Зайцеву ко дню семидесятилетия). СПб.
- Русяева А., Русяева М. 1999. Верховная богиня античной Таврики. Киев.
- Сапрыкин С. Ю. 1987. Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикии) // СА. № 1.
- Сидоренко В. А. 1987. К вопросу об этнической атрибуции Ай-Тодорского клада монет IV – начала V вв. с подражаниями «лучистинского типа» // Материалы по этнической истории Крыма (VII в. до н. э. - VII в. н. э.). Киев.
- Соломоник Э. И. 1966. О римском флоте в Херсонесе // ВДИ. № 2.
- Соломоник Э. И. 1973. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев.
- Соломоник Э. И. 1983. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М.
- Фролова Н. А. 1984. Монеты Фофорса (285 - 308 гг.) // СА. № 2.
- Фролова Н. А. 1989. Вторжения варварских племен в города Северного Причерноморья по нумизматическим данным // СА. № 4.
- Фролова Н. А. 1997. Монетное дело Боспора. М. Ч. 2.
- Харматта Я. 1967. К истории Херсонеса Таврического и Боспора // Античное общество. М.
- Цукерман К. 1994-1995. Епископы и гарнизон Херсона в IV веке // МАИЭТ. Вып. IV.
- Шангин М. А. 1938. Некоторые надписи Херсонесского музея // ВДИ. № 3(4).
- Шестаков С. П. 1908. Очерки по истории Херсонеса в IV – X вв. // Памятники христианского Херсонеса. М. Вып. 3.
- Юрочкин В. Ю. 1999. Этнополитическая ситуация в позднеантичной Таврике в сочинении Константина Багрянородного и археологические реалии // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье.
- Якобсон А. Л. 1959. Раннесредневековый Херсонес // МИА. Т. 63.
- Álföldy G. 1984. Рец. на кн. Соломоник Э. И. Латинские надписи Херсонеса Таврического. М., 1983 // Gnomon.
- Arnheim M. T. W. 1972. The Senatorial Aristocracy in the Later Roman Empire. Oxford.
- Baatz D. 1994. Bauten und Katapulte des römischen Heeres. Stuttgart.
- Barnes T. D. 1982. The New Empire of Diocletian and Constantine. London.
- Baynes N. N. 1925. Three Notes on the Reforms of Diocletian and Constantine // JRS. Vol. 15. Part 2.
- Bohec Y. Le. 1993. Die römische Armee. Von Augustus zu Konstantin d. Gr. Stuttgart.
- Campbell D. B. 1984. Ballistaria in First to Mid-third century Britain // Britannia. Vol. 15.
- Christol M. 1977. La carrière de Traianus Mucianus et l'origine des protectores // Chiron. Bd. 7.
- De Blois L. 1976. The Policy of the Emperor Gallienus. Rome.
- Demandt A. 1998. Geschichte der Spätantike. Das Römische Reich von Diocletian bis Justinian 284 - 565 n. Chr. München.
- Demougeot E. 1975. La Notitia Dignitatum et l'histoire de l'Empire d'Occident au début du V-e siècle // Latomus. T. 34. Fasc. 4.
- Diesner H. - J. 1968. Protector // RE. Suppl. 11.
- Dobson B. 1967. Einführung // Domaszewski A. Die Rangordnung des römischen Heeres. Köln; Graz.
- Domaszewski A. 1967. Die Rangordnung des römischen Heeres. Köln; Graz.
- Frank R. J. 1969. Scholae Palatine. The Palace Guards of the Later Roman Empire // Papers and Monographs of the American Academy in Rome. Vol. 13.
- Grant M. 1968. The Climax of Rome. The Final Achievements of the Ancient World. 161 - 337 A. D. Boston; Toronto.
- Grant M. 1974. The Army of the Caesars. London.
- Grosse R. 1920. Römische Militärgeschichte von Gallienus bis zum Beginn der byzantinischen Themenverfassung. Berlin.
- Hieroclis grammatici Synecdemus. 1847 // Constantinus Porphyrogenitus. De provinciis regni Byzantini. Tubingae.
- Hoffmann D. 1969. Das spätrömische Bewegungsheer und Notitia Dignitatum. Düsseldorf.
- Jones A. H. M. 1964. The Late Roman Empire 284 - 602. A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford. Vol. 1.
- Jones A. H. M. 1964 f. The Late Roman Empire 284 - 602. A Social, Economic and Administrative Survey. Oxford. Vol. 2.
- Jones A. H. M., Martindale J. R., Morris J. 1971. The Prosopography of the Later Roman Empire. Cambridge.
- Junkelmann M. 1992. Die Reiter Roms. Mainz am Rhein. Teil III.
- Kienast D. 1990. Römische Kaisertabelle. Grundzüge einer römischen Kaiserchronologie Darmstadt.
- Kolendo J., Božilova V. 1997. Inscriptions grecques et latines de Novae (Mésie Inférieure). Bordeaux.

- Luttwak Ed. N. 1976. *The Grand Strategy of the Roman Empire. From the First Century A. D. to the Third.* Baltimore and London.
- MacMullen R. 1963. *Soldier and Civilian in the Later Roman Empire.* Cambridge, Massachusetts.
- Manzella I. S. 1999. *Avidum mare nautis. Un naufragio nel porto di Odessos e altre iscrizioni // Mélanges de l'école française de Rome. Antiquité. T. 3. 1.*
- Marsden E. W. 1969. *Greek and Roman Artillery: Historical Development.* Oxford.
- Mielczarek M. 1993. *Cataphracti and clibanarii. Studies on the Heavy Armoured Cavalry of the Ancient World.* Łódź.
- Nadel B. 1977. *Literary Tradition and Epigraphical Evidence: Constantine Porphyrogenitus' Information on the Bosporan Kingdom in the Time of Emperor Diocletian Reconsidered // Dialogues d'Histoire ancienne. 3.*
- Nagy T. 1965. *Commanders of the Age of Gallienus // AAH. T. 17.*
- Neumann A. 1958. *Vexillatio // RE. Bd. 8.*
- Nischer E. C. 1923. *The army Reforms of Diocletian and Constantine and their modifications up to the time of Notitia Dignitatum // JRS. Vol. 13.*
- Parker H. M. D. 1933. *The Legions of Diocletian and Constantine // JRS. Vol. 33. Part 2.*
- Sarnowski T. 1988. *Wojsko rzymskie w Mezji Dolnej i na północnym wybrzeżu Morza Czarnego.* Warszawa.
- Saxer R. 1967. *Untersuchungen zu den Vexillationen des römischen Kaiserheeres von Augustus bis Diokletian // Epigraphische Studien. 1.*
- Soproni S. 1985. *Die letzten Jahrzehnte des pannonischen Limes.* München.
- Southern P., Dixon K. R. 1996. *The Late Roman Army.* London.
- Tomlin P. S. O. 1976. *Notitia Dignitatum omnium, tum civilium quam militarium // Aspects of the Notitia Dignitatum.* London.
- Treatgold W. 1995. *Bysantium and Its Army.* Stanford.
- Várady L. 1961. *New Evidences on Some Problems of the Late Roman Military Organization // Acta Antiqua. T. 9. Fasc 3 - 4.*
- Vinogradov Ju. G., Zubar V. M. 1995/1996. *Die Schola Principalium in Chersonesos // Il Mar Nero. II.*
- Zahariade M. 1988. *Moesia Secunda, Scythia și Notitia Dignitatum.* București.
- Zucerman C. 1991. *The Early Byzantine Strongholds in Eastern Pontus // Travaux et Memories. T. 11.*